
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 316.75: [004:002]

ББК 60.563.0+73

DOI 10.22394/1682-2358-2019-2-4-13

V.Yu. Cheremnykh, *Candidate of Sciences (Pedagogics), Docent of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

L.S. Yakovlev, *Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

A NEW PARADIGM OF MANAGERIAL THINKING IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

Tendencies of changes in structures of social consciousness due to the transition to a digital economy that dramatically change conditions for management activities are considered. The prospects of forming an ideology of information society in the context of managerial systems optimization tasks are discussed. The transition from the paradigm of scientific information support of decision-making to the paradigm of scientific management is justified.

Key words and word-combinations: digital economy, informatization of management activities, information society ideology, transparency of state management.

В.Ю. Черемных, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: viktoriiach2015@mail.ru)*

Л.С. Яковлев, *доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: lionel1801@bk.ru)*

НОВАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Рассматриваются тенденции изменений структур общественного сознания в контексте перехода к цифровой экономике, кардинально меняющие условия управленческой деятельности. Обсуждается перспектива формирования идеологии информационного общества в процессе оптимизации управленческих систем. Обосновывается переход от парадигмы научно-информационной поддержки принятия решений к научному управлению.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая экономика, информатизация управленческой деятельности, идеология информационного общества, транспарентность государственного управления.

Движение к цифровой экономике прокламируется сегодня как ведущий тренд для России. Летом 2017 г. была утверждена правительственная программа до 2024 г., включающая четыре направления. На реализацию программы выделено 522 млрд рублей; в ней определены прежде всего мероприятия по развитию инфраструктуры, телекоммуникаций, обеспечения информационной безопасности. Расширенный вариант программы представлен в августе 2018 г. Его стоимость оценивается в 2,676 трлн рублей; число разделов возросло до шести. По-прежнему основная финансовая нагрузка приходится на инфраструктурные проекты. Вместе с тем в системе базовых показателей реализации программы существенное место заняли параметры, связанные со строительством цифрового государства [1].

Понимание значимости проникновения информатизации во все сферы жизни общества должно предполагать и пересмотр привычного понимания содержания этой жизни. Но нет общепринятых трактовок параметров этого пересмотра. В специальной литературе приводятся резко расходящиеся оценки масштабов цифровой экономики в мире и отдельных странах: от 4,1% ВВП [2] (по другим оценкам, от 13,8% [3] для периода 2010–2012 гг.) до трети всей мировой экономики. При этом используются совершенно разные методики, основанные на подсчете объемов интернет-продаж, оборотов IT-компаний, использования интернет-сервисов и уровня обеспеченности населения средствами мобильной связи. Добавим к этому, что, если использовать (как это подразумевается иногда в обыденном восприятии) критерий уровня компьютеризации бухгалтерских операций, цифровой можно будет признать почти всю экономику. Очевидно, задача состоит не в выборе какого-то универсального условного критерия или в описании их набора, а в определении ключевых тенденций процессов информатизации.

Можно полагать утвердившимся в современной науке представление о принципиальном различии между аналоговой и цифровой экономикой как построенными соответственно на иерархической и платформенной моделях [4, с. 143]. Однако М.А. Сухарева справедливо указывает на необходимость проведения терминологического различия между понятиями категориального ряда, в который вписывается обозначение цифровой экономики, в частности, связанного с альтернативой «знание — информация». Ее утверждение «экономика знаний рассматривается как последующий этап развития информационной экономики» [5, с. 454] разделяется рядом авторов, но понимается по-разному. Так, В.В. Пяткин, А.И. Колчин трактуют цифровую экономику в узком смысле, как «деятельность, основанную на цифровых технологиях, связанную с электронным бизнесом и электронной коммерцией, и производимых и сбываемых ими электронными товарами и услугами», а переход от информационного общества к обществу знаний связывают с изменением роли человеческого капитала [6, с. 245].

Е.Д. Соложенцев, напротив, акцентирует скорее общность принципов, нежели этапные различия, применительно к рассматриваемым категориям,

полагая, что «цифровое управление — это количественное управление государством и экономикой на основе интеллектуальных знаний, АВ-моделей риска и специальных Software» [7, с. 138]. П.И. Огородников, О.Б. Матвеева, Е.П. Гусева артикулируют необходимость перестройки механизмов управления уже на этапе информатизации в силу простой необходимости обеспечить обработку резко возросших объемов данных [8, с. 89]. С другой стороны, Д.М. Назаров вообще не считает необходимым противопоставление информации и знаний, полагая, что «наступает качественно новый этап развития цивилизации, характеризующийся новым типом экономики — цифровой экономикой, сущность которого состоит в освоении и широкомасштабном использовании данных, информации, цифровых ресурсов и ее высшей формы — научных знаний» [9, с. 23].

Представляется, что различия приведенных подходов, проявляющиеся уже на уровне определения используемых понятий, определяются не несовместимостью методологических принципов, а выбором разных подходов к уточнению предмета исследования. Однако, признавая правомерность выделения для анализа отдельных областей жизни общества, полагаем необходимым в аспекте заданной темы артикулировать прежде всего их взаимозависимость. Даже понятая предельно узко, как связанная с электронной коммерцией, цифровая экономика не может возникнуть в социуме с архаической общественной организацией. Перенести ее формы в такой социум можно, но они не получат полноценного развития в силу отсутствия при подобной организации общества субъектов регулируемых ими взаимодействий.

Здесь уместна историческая аналогия. Созданная по инициативе Петра Великого русская металлургическая промышленность во второй половине XVIII столетия периодически выходила по объемам производства на первое место в мире, опережая не только страны континентальной Европы или Америки, но и Англию, переживавшую промышленную революцию. Но развивалась эта металлургия на крепостнической основе и потому не стала двигателем развития страны в целом. Металл шел на экспорт, в частности обеспечивая начало промышленного подъема США, а российская экономика к середине XIX в. однозначно отставала от ведущих экономик мира. Иными словами, развитие может быть успешным лишь будучи системным, а не фрагментарным. Поэтому цифровая экономика, как бы узко мы ни понимали ее конкретное содержание, предполагает обязательные масштабные социальные изменения.

Эта необходимость, однако, воспринимается с трудом. Социумы в ситуациях транзиту испытывают затруднения при самоидентификации именно потому, что меняются. Представления о субъекте, всегда способном адекватно оценивать изменения, происходящие в нем самом, как правило, не соответствуют действительности. Сохранение ощущения субъектности (разумеется, имеющее различные механизмы, когда речь идет об индивидуе, социальной группе, обществе) не означает, что идентичность остается неизменной.

В полной мере изложенное относится к фундаментальным переменам, связанным с информатизацией. В сознании поколений, чье мировосприятие сформировалось еще в до-сетевую эпоху, Интернет представляется чем-то вроде колоссальной библиотеки, содержащей огромные массивы так или иначе каталогизированных данных. Разумеется, подобная картина ничего общего не имеет с реальностью. Человеческое сознание просто не способно к наглядному представлению объемов информации, циркулирующей в сети, точно так же, как не способно оценить быстродействие современных процессоров. Поэтому подспудно оно конструирует мифологические образы «библиотекарей», осуществляющих упорядочение информации, — ибо альтернативой этой абсурдной картине для него является лишь хаос.

Интернет, конечно, не хаотичен, но упорядочивается он отнюдь не «человеческим» способом. В свое время, в начале 1990-х годов, предпринимались попытки создания масштабных баз данных как способ упорядочивания информации в сети. Так начинала свою деятельность America Online, Inc., бывшая практически монополистом на рынке интернет-услуг в США и предлагавшая пользователям бесплатно ресурсы собственные и за плату — выход в «большой Интернет». На первых стадиях существования этим подходом руководствовалась и Yahoo!, созданная в 1994 г. Она использовала каталог сайтов, ссылки на которые были сгруппированы по соответствующей тематике, то есть в сегодняшних представлениях это было скорее базой данных, чем поисковой системой, но этот подход быстро доказал свою несостоятельность как в техническом, так и в методологическом плане. Каталогизировать можно фиксированный объем данных. Библиотеки оставались эффективны, пока жизненные циклы и объемы информации были сопоставимы с восприятием индивида.

Привычные библиотечные классификации предполагают завершенное, систематизированное научное знание, на основе которого они и строятся. В этой модели изменения происходят со скоростью, доступной человеческому восприятию. Обращаясь через какое-то время к тому или иному блоку данных, человек может фиксировать появление нового знания; иногда степень новизны оказывается достаточной для частичной перестройки логик классификации. Но их базовые принципы сохраняются. Об этом наглядно можно судить по каталожным залам крупных библиотек второй половины XX в., где надписи на ящиках с карточками не менялись десятилетиями.

Этот принцип систематизации продолжает действовать в сфере научного знания, впрочем, и там не всегда подтверждая свою эффективность. Упорядочивать подобным образом информацию в целом оказывается невозможно уже в силу роста ее объемов. В Древнем Шумере можно было весь объем фиксируемых данных заносить на глиняные таблички и хранить в нескольких, выделенных для этого, дворцовых или храмовых, помещениях, потому что ознакомление со смысловыми группами данных не выходило за пределы физических возможностей человека. Еще в XVIII столетии оказывался возможным тип «энциклопедически образованного» человека, компетентного в

основных областях знаний. К началу XX столетия специализация в науке становится необходимой, профессионализация в ней предполагает длительный период освоения знаний, возникает разветвленная система популяризации научных знаний, необходимая именно потому, что алгоритмы доступа к ним становятся неочевидными. Однако вплоть до 1990-х годов представления о систематизации информации, основанные на принципах гуманитарной культуры предшествующих столетий, сохраняли смысл. С развитием сети этот смысл утрачен.

Замена каталогизации динамическим поиском представляет собой настолько фундаментальное изменение принципов обработки информации, что оно до сих пор не осмыслено обществом адекватно. Работает эффект иллюзорной неизменности идентичности, о котором упоминалось ранее. Между тем, по сути, речь идет о новых стратегиях мышления. Наиболее наглядно эти изменения прослеживаются при обращении к эволюции технологий оперирования с информацией в Интернете, прежде всего ее поиска.

Изначально в основе работы поисковых систем лежало понятие ключевых слов. «Слова, указанные в интерфейсе запроса поисковой системы являются ключевыми словами... поисковые системы извлекают те страницы, которые имеют частые вхождения этих ключевых слов. Они ищут взаимосвязи между ключевыми словами. Расположение ключевых слов также считается, как и рейтинг страницы, содержащие их. Ключевые слова, которые встречаются в заголовках страниц или в URL, приведены в больший вес. Страницы, имеющие ссылки, указывающие на них, делают их еще более популярными. Если многие другие сайты, ссылаются на какую-либо страницу, она рассматривается как ценная и более актуальная» [10]. Может показаться, будто здесь есть некая связь с принципами каталогизации, но в действительности происходит их полное радикальное отрицание.

Ключевые слова задаются в поисковом запросе, и автор запроса не выбирает их из заданного списка, а предлагает сам. Иными словами, каждый пользователь — «сам себе каталогизатор». Но еще важнее другое. Поисковая система руководствуется в осуществлении ранжирования не экспертным знанием, а существующими на данный момент логиками упорядочивания нейросети, которую в конкретном случае и представляют собой включенные в поиск фрагменты Интернета.

На этом уровне поисковые машины не входят в реальное взаимодействие с человеческим мышлением, а лишь дополняют его. Строго говоря, буквальная реализация алгоритмов первых поисковиков (WebCrawler 1994, Lycos, AltaVista 1995) в пространстве сегодняшнего Интернета дала бы результаты, близкие к хаотическим. Они были эффективны для своего времени в силу относительно малых, еще общих объемов данных, количества сайтов, а главное, неразвитости практик их оптимизации. Разработчик сайта в ту эпоху ориентировался на человеческое восприятие, не пытаясь навязать роботу-поисковику определенное представление о своем продукте.

Однако уже к рубежу веков ситуация начала меняться. Руководство со-

зданных в 1997 г. Google и Яндекс с самого начала ставило задачи фильтрации и упорядочивания контента. Но, поскольку эти поисковые системы были ориентированы на рыночный успех, при их разработке изначально использовались критерии, связанные с возможностями монетизации поисковых операций. С этих позиций определяются показатели, на основе учета которых оценивается релевантность сайтов. Кроме того, поисковая система ориентирована на позиционирование в конкурентном пространстве и монетизацию трафика.

Такое положение вещей вызвало к жизни полемику о «цифровом рабстве». «Под безобидным предлогом мир постепенно погружается в цифровое рабство, где монополия на поиск диктует свои правила игры... Поисковые алгоритмы уходят на задний план, в ход идет цифровая диктатура... Facebook... умело манипулирует сознанием масс за счет алгоритма ротации постов в ленте своих пользователей. О чем сегодня выгодно или не выгодно говорить — решает Facebook... не существует компаний, которые бы несли реальную пользу, ориентированных больше на развитие сознания человека... Как будто существует только эмпирическое существование» — пишет рядовой пользователь сети. По мнению еще одного пользователя, «абсолютно вся информация о любом движении любого гражданина будет находиться в руках коммерческих структур и продаваться ими направо и налево... поройтесь у себя в памяти — есть ли некая информация о вас, которую вы не хотели обнародовать для обсуждения всем миром» [11].

Эти высказывания процитированы как типичные. Спонтанные протестные настроения по поводу дигитализации связаны в России, как и во всем мире, с попытками защиты права на анонимность. Парадокс состоит в том, что сама идея этого права порождена Интернетом. Формально декларируемая законами ряда стран, в предшествующие эпохи тайна переписки нарушалась достаточно часто, а методы идентификации личности уже в первой половине XX в. стали вполне эффективными. Только в 1990-е годы человек смог в сети выступать анонимно; впрочем, в критических ситуациях спецслужбы могли установить реальный IP-адрес и вступить в личный контакт с «анонимом». По сути, люди, выступающие в защиту анонимности, несмотря на то, что абсолютное большинство их никогда не слышало о «декларации независимости киберпространства» [12, с. 230], выступают с позиций идеализма, отраженного в этом документе. Анонимность возможна в определенных пределах; общение в чате, действительно, не требует идентификации, но совершение покупок, фрилансерская деятельность без нее обойтись не могут.

Определенное воздействие на массовое сознание оказывают и более агрессивные формы антицифрового алармизма. «Цифровой век вместо процветания в реальности несет человечеству цифровое рабство с полной потерей личности каждого рядового члена общества», — утверждает А. Никишин, опираясь на традиционные, для данного направления критической мысли аргументы, связанные с «разоблачением» технических разработок в области распознавания образов и «чипизации» [13].

С точки зрения консерваторов, «применение биометрических методов является грубейшим нарушением конституционных прав и свобод человека, а также представляет угрозу для национальной безопасности России... То, что, согласно Священному Писанию, принадлежало только Богу и сотворенному Им человеку, практически становится общедоступным для любых неправедных людей», — утверждает академик Православного богословского отделения Петровской академии наук и искусств В.П. Филимонов [14]. Ранее он замечал, что «даже в языческой Индии люди понимают угрозы, которые несет пресловутая цифровая экономика с ее идентификацией и аутентификацией. Прежде всего, это подавление воли человека и любые манипуляции с ним, выгодные хозяевам системы» [14].

С алармистских позиций оценивают перспективы информатизации не только люди, полагающие, что лишь такой подход согласуется с их религиозными убеждениями. Преподаватель российского светского учебного заведения пишет: «Укоренению в человеческом сознании ценностей нового социального порядка способствуют такие феномены информационного общества, как безлимитный Интернет, децентрализованные пиринговые сети, возможность бесплатно общаться посредством видеосвязи в ряде мессенджеров». При этом «новый порядок» видится ему в парадигме «трансгуманизма», конструируемой из идей Р. Эттингера, Н. Бострома и фильмов в жанре фантастики про роботизацию и перенос человеческого сознания из одного тела в другое. Указывая на неизбежность безработицы, массового падения рождаемости и утраты традиционных ценностей, автор цитируемой статьи делает вывод: «Возникает вопрос о целесообразности процесса глобальной информатизации» [15, с. 23; 25].

В попытках тотального отрицания необходимости и полезности для общества информатизации (наиболее последовательно выраженных в деятельности О. Четвериковой [16]), нам видится не просто обычная для части социума негативная реакция на прогресс, но и отражение более существенного явления. Эти критические конструкты занимают смысловое пространство, оказавшееся пустым в силу отсутствия общепринятой идеологии информационного общества.

Собственно, такой идеологии, в полном смысле слова, никогда и не было. Информационный редуционизм в духе О. Тоффлера принимался не всеми и с оговорками; по сути, манифестировали идею движения в цифровое будущее лишь книги Б. Гейтса, представлявшие собой журналистскую переработку дорожных карт развития информационных технологий. Судить о них как о программных документах, базирующихся на фундаментальном философском, социологическом анализе, было бы явным преувеличением. В конечном итоге к концу первого десятилетия XXI в. сложился неустойчивый конгломерат представлений, эклектически объединявший набор разноплановых, имеющих различное происхождение идей. К тому же этот комплекс дискредитировался в восприятии многих людей связью с теоретическими обоснованиями моделей глобализации, построенных на вестернизации и политическом контроле из единого центра, под которым подразумеваются США. Собственно, именно

такого рода конструкт представлен в качестве негатива и в приводившихся ранее критических построениях.

Как констатировал ряд аналитиков еще в середине 1990-х годов, «практически все программы информатизации страны представляли собой яркие примеры технократического мышления, когда средства информатизации имели выраженный примат по отношению к человеку», в результате чего оказывается невозможным целенаправленное, учитывающее интересы всех групп населения, движение, поэтому «нужно сформулировать новую парадигму информационного развития» [17]. Однако такого понимания в научной среде оказалось недостаточно для воздействия на ситуацию. Напротив, технократическая тенденция получила продолжение.

Типичный пример попыток их осмысления дает позиция Д.В. Рахинского: «Глобальная информатизация как неизбежный фактор новой идеологической модели общества принципиальным образом трансформирует современное общество... на уровне социальных коммуникативных систем... размывает границы национальных культур, а значит, и входящие в их состав этнические, национальные и религиозные традиции» [18, с. 21]. В качестве альтернативы хаотизации, предлагается лишь апелляция к особенностям «российского менталитета» [19].

Россия совершила за последние три десятилетия мощный рывок в развитии инфраструктуры информационного пространства. Некоторые отечественные ветераны информатизации до сих пор ностальгически вспоминают альтернативный путь развития, по которому она шла до конца 1960-х годов. Однако альтернативы были лишь теоретические. СССР мог стать на путь построения системы технократического управления, но это требовало фундаментальной кадровой революции, смены руководства на всех уровнях и радикального изменения систем отбора и подготовки кадров [20, с. 78]. Для подобного решения тогда у руководства страны не было политической воли, поэтому к середине 1980-х годов информатизация в СССР носила фрагментарный характер. В этих условиях была использована классическая модель «догоняющего развития», ставка сделана на персональный компьютер как инструмент, меняющий массовое сознание, формирующий готовность к участию в процессах информатизации у миллионов людей. Государство в девяностые — нулевые годы осуществляло главным образом поддержку развития инфраструктуры, и на этом пути достигнуты были очевидные успехи.

К середине второго десятилетия XXI в. очевидным становится, что потенциал спонтанного развития информационных технологий в России практически исчерпан. В силу глубокой интеграции бизнеса и государственных структур трудно ожидать появления масштабных инициативных проектов; к тому же во всем мире крупнейшие IT-компании на ключевых этапах развития опирались на государственную поддержку. Кроме того, стоит задача кардинального совершенствования информационного обеспечения самого государственного управления.

Информационное пространство России потенциально готово к масштабной перестройке систем управления на всех уровнях, на основе алго-

ритмизации управленческих процессов, обеспечения их транспарентности, оперативной обратной связи и коррекции стратегий с учетом их результативности. Проблема не в «недостаточной готовности» управленческих кадров и населения; как показали практики информатизации последних трех десятилетий, создаваемые модели переподготовки кадров вполне эффективны, а отечественные разработчики в состоянии предлагать пользователям программные продукты с интуитивно понятным интерфейсом. Трудности информатизации управления связаны с неготовностью современных наук об обществе предложить основания для разработки алгоритмов управления социальными и экономическими процессами как по целому ряду отдельных направлений, так и прежде всего в комплексе. Если модели бизнес-процессов, логистических систем, комплексов типа «умного города» строятся, как правило, успешно, то разработка среднесрочных, тем более долгосрочных планов социально-экономического развития регионов, встречает затруднения.

Принципиально важно, что информационная революция сделала для власти возможным переход от диалога с примордиальными сообществами к диалогу непосредственно с каждым гражданином, с временными объединениями граждан по принципу общей заинтересованности в решении конкретных задач. Это кардинально меняет природу политики, поскольку налицо изменение сущности субъектов политических взаимодействий.

Однако артикулируя изменения в политическом пространстве, мы характеризуем лишь внешний слой фундаментальных перемен. Информационная революция предполагает переход от парадигмы научно-информационной поддержки принятия решений к парадигме научного управления. На определенном этапе генерализации данных (достигнутом, в частности, крупными поисковыми системами) начинается процесс их самоорганизации. В нем не следует, разумеется, видеть самопроизвольное зарождение искусственного интеллекта, речь идет о другом: об экспликации очевидной целесообразности перехода к адекватным природе данных моделям работы с ними, а затем и соответствующим моделям принятия решений.

В плане государственного управления это означает кардинальное возрастание значения продвинутых инструментов статистического анализа; признание необходимости работы с big data как терминального условия принятия любого масштабного решения; переход от периодической отчетности к постоянному накоплению данных в режиме online; конструирование обучающихся систем как основной модели среды поддержки принятия решений; безальтернативность диалогового режима взаимодействия власти и населения, ориентированного на персонализацию транзакций. Все необходимые предпосылки для движения в этом направлении имеются.

Библиографический список

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>

2. *Dean D., DiGrande S., Dominic Field, Lundmark A., O'Day J., Pineda J. and Zwillenberg P.* The Internet Economy in the G-20 // Boston Consulting Group. 2012. March 19. URL: <https://www.bcg.com/publications/2012/technology-digital-technology-planning-internet-economy-g20-4-2-trillion-opportunity.aspx>
3. UK is the most internet-based major economy // BBC News. 2012. 19 March. URL: <https://www.bbc.com/news/business-17405016>
4. *Емельянов Н.В.* Сравнительный анализ основных параметров цифровой и аналоговой экономик // Синергия Наук. 2018. № 26. С. 142–149.
5. *Сухарева М.А.* От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 445–464.
6. *Пяткин В.В., Колчин А.И.* От информационного общества к цифровой экономике или к экономике знаний? // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1 (22). С. 244–246.
7. *Соложенцев Е.Д.* Цифровое управление государством и экономикой // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. № 1 (17). С. 136–153.
8. *Огородников П.И., Матвеева О.Б., Гусева Е.П.* Некоторые аспекты необходимости тесного взаимодействия инновационной и цифровой экономик // Заметки ученого. 2018. № 6 (31). С. 87–90.
9. *Назаров Д.М.* Цифровая экономика как результат информационных революций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 12–24.
10. Как работает поисковая система? // Blog Web Programmer. 2014. 21 июня. URL: <http://juice-health.ru/seo/89-kak-eto-rabotaet-poiskovaya-sistema>
11. Цифровое рабство: все данные о россиянах отданы властью банкстерам. URL: <https://gala-gala15.livejournal.com/556958.html>
12. *Барлоу Д.П.* Декларация независимости киберпространства // Сверхновая американская фантастика. 1996. № 3/4. С. 229–232.
13. *Никишин А.* Цифровое рабство в цифровой цивилизации // Колокол России. 2017. 25 авг. URL: <http://kolokolrussia.ru/globalizaciya/cifrovoe-rabstvo-v-cifrovoe-civilizacii>
14. *Филимонов В.П.* Жуткие планы банкиров противоречат Слову Божию // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2018. 13 нояб. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2018/11/13/zhutkie_plany_bankirov_protivorechit_slovu_bozhiyu/
15. *Крайнов А.Л.* Трансгуманизм как идеология нового социального порядка // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 23–27.
16. *Четверикова О.* Образование для богоизбранных, цифровой концлагерь для остальных // Русское Агентство Новостей 2018. 16 сент. URL: <http://xn--b1amnebsh.ru-an.info/новости/образование-для-богоизбранных-цифровой-концлагерь-для-остальных/>
17. *Белов Г.В.* Информационная доктрина: программа или идеология? // ИНФОРАН. 1995. Дек. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/272af3378d516fb9c3257631004340e5>
18. *Рахинский Д.В.* Глобальная информатизация как неизбежный фактор новой идеологической модели общества // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 20–22.
19. *Генс Г.* Повышение уровня информатизации: направления работы // ЛАНИТ. 2011. 1 февр. URL: <https://lanit.ru/press/smi/2371/>
20. *Яковлев Л.С.* Концептуализация информационного менеджмента в контексте модернизации. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014.